

18+

Инга Вейн

Легенда
о Кошче

Осколки бессмертного сердца

Инга Вейн

**Легенда о Кощее. Осколки
бессмертного сердца**

«Автор»

2026

Вейн И.

Легенда о Кощее. Осколки бессмертного сердца / И. Вейн —
«Автор», 2026

В сказках говорят, что Кощей разделил своё сердце, чтобы победить смерть. С тех пор его имя стало символом зла. Мира, молодая охотница на нечисть, привыкла верить этим преданиям. Но, разрушив древний камень, она сама выпускает в мир беду. По земле расползаются чёрные трещины, люди забывают своих близких, а граница между Явью и Навью становится всё тоньше. Загадочный маг Северин знает о древних сказках и происходящем гораздо больше, чем говорит. Но вместо ответов он отпускает колкости, а каждый разговор между ними заканчивается новой перепалкой, и о доверии не может идти и речи. Чтобы спасти Велемирье, им предстоит пройти дорогой сказок – через Лукоморье, мёртвые города и земли, где Явь соприкасается с Навью, чтобы найти осколки бессмертного сердца. И чем дальше заводит их путь, тем сложнее Мире понять, что опаснее: Пустота, пожирающая мир, или чувства к человеку, которого она не должна была полюбить. Ведь иногда самые страшные сказки оказываются ложью

© Вейн И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
***	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Инга Вейн

Легенда о Кощее. Осколки бессмертного сердца

Глава 1

Осень стояла сырая и серая. Листья на деревьях давно облетели, прибитые к земле частыми дождями, и теперь лежали плотным, мокрым ковром. Ветви голых дубов чернели на фоне свинцового неба, и весь лес казался больным и истощённым – как и деревня, к которой я с отрядом шла уже третий час.

Заречье встретило нас тишиной. Над крайней избой, покосившейся на один бок, вился тонкий, серый дымок, но больше нигде не курилось, будто деревня вымерла. У обросшего ряской и мхом колодца сидела согнутая, как сухой гриб, старуха. Её лицо было изрезано морщинами, а руки сжимали глиняную чашку так, будто она боялась её уронить.

За спиной, у околицы, меня остались ждать четверо товарищей в зелёных плащах с орденскими воронами на груди. Их дыхание вырывалось облачками пара, и никто не говорил ни слова, напряжённо оглядываясь по сторонам.

Я подошла к старухе. Сапоги чавкали по грязи, и каждый мой шаг оставлял на земле чёткий, тёмный след.

– Рассказывай, – сказала я и присела рядом со старухой на корточки. – С самого начала. Где и как пропал первый?

– Первым был Яромир, мой внук, – медленно заговорила она, подняв на меня выцветшие глаза с бельмами. Голос у неё был сухой, как листья, которые ветер гнал по дороге. – Ушёл в лес за хворостом и не вернулся. Мужики пошли его искать, да нашли только топор у старого кургана, а вокруг – пепел.

Я нахмурилась. Белый пепел на мокрой земле... Странно. Дожди в Заречье не прекращались уже неделю, и любая зола давно бы впиталась в грязь. Но нас бы не позвали, не случись что необычное. Обычная нечисть такого не делает. Значит, дело в тёмной магии.

– Много пепла?

– Ох, много, девонька. Будто человека дотла спалили, а золы одной и оставили. Только гарью не тянуло. Совсем. И земля кругом сухая-сухая, будто огонь её изнутри вылизал.

– Говорят, оно зовёт их голосами. Чьими голосами? – спросила я.

– Умерших, – негромко сказала женщина, до этого молча перебиравшая лоскутки на заваulinке. Она подняла голову. Молодая ещё, а глаза будто у старухи. – Меня баькинм позвало. А баька мой давно в сырой земле лежит. Я ведь понимала, что не может он звать... понимала. Только ноги сами понесли, словно не мои стали. Хорошо, муж проснулся, догнал и силой домой уволок.

– Голосами умерших, – медленно повторила я, перебирая в голове всевозможные варианты, но ни одна известная мне тварь так не охотилась. – А видел его кто-нибудь?

Женщина побледнела ещё сильнее. Лоскутки выпали у неё из рук.

– Лица у него нет, – прошептала она, невольно косясь в сторону леса. – Совсем. Ни глаз, ни рта. Гладкое, чёрное, будто речной камень после дождя. Идёт – а лист под ногой не шелохнётся, да ветка не качнётся.

Женщина судорожно вздохнула.

– Миколка мой... шумный был. Всё свистел чего-нибудь, песни под нос бурчал, а в ту ночь тихо ушёл. Я и не слыхала, как дверь открылась. Проснулась – пусто. Будто и не жил никогда...

Не выдержав, она закрыла лицо руками и разрыдалась. Я отвернулась. Утешать её было бессмысленно – пока эта тварь бродит по лесу, никакие слова не помогут.

– А курган давно там стоит? – спросила я, когда плач немного стих.

Старуха медленно перекрестилась.

– Давно, девонька. Старше наших дедов, старше князей, – помолчав, она тихо добавила. – Не ходили мы туда. Ни деды не ходили, ни отцы. Скотину стороной гнали и детей страшали. Не буди старое – целее будешь.

Я резко поднялась и перекинула за плечо толстую косу. Безликое существо, зовущее людей голосами умерших, белый пепел и... древний курган. Негусто. Вечер приближался, и лес за околлицей темнел с каждой минутой. Голые ветви смыкались над тропой, словно заранее скрывая дорогу к кургану.

– Где он?

– За ольшаником, на старом волоке, – старуха махнула рукой в сторону чащи. – Только не ходи, девонька. Не любит то место чужих.

– Я не одна, – успокаивающе улыбнулась я и поправила на поясе перевязь с серебряным клинком. – Нас Орден прислали помочь.

Я не стала ей говорить, что для меня это первый самостоятельный выезд. Оплотать было нельзя. Орден дал мне шанс, и я должна была доказать – себе и другим, – что не просто ученица с горячей головой, а настоящая охотница. Вместо этого я кивнула старухе и направилась к своим.

– Долго вы, – заметила Горица – самая старшая в отряде – и лениво поправила лук за спиной. – Значит, всё плохо.

Радомир – самый младший, ещё с круглыми от страха глазами – нервно сжал меч и нетерпеливо спросил:

– Ну, Мира? Что там?

– Упырь, вурдалак или леший? – заинтересованно уточнил Борислав.

– Нет, – я накинула капюшон, пряча волосы от колючего ветра, и заметила, как Ведена хищно улыбнулась, забирая у Борислава кошель с монетами. – Ни под одну известную нам тварь не подходит. Но оно явно сторожит курган. Я впереди. Горица прикрывает сзади. Радомир, пойдёшь рядом, Борислав и Ведена – по бокам.

– А если серебро его не возьмёт?

Я обернулась к Радомиру. Это было его первое задание, на скулах играли желваки – он боялся. И правильно делал.

– Тогда будем действовать по обстоятельствам. Но сначала – оценить, понять, а потом атаковать. Приготовьте руны, они могут пригодиться.

Горица молча достала дощечку с выжженной руной, а Радомир замешкался, возясь с кожаным футляром.

В лесу было тихо. Ни свиста птиц, ни шелеста ветра в голых кронах – только чавкала под сапогами размокшая земля да изредка срывались с ветвей тяжёлые капли. В воздухе витал запах гнили и чего-то ещё – горького, металлического, как кровь, оставленная на холоде. Я шла первой, положив ладонь на рукоять меча. За спиной слышалось частое дыхание Радомира, уверенные шаги Горицы, Борислава и Ведены. Старую тропу почти затянул мох, а пожухший папоротник стоял по обе стороны серой стеной, скрывая лесную чащу.

– Что-то не так, – вдруг прошептала Горица. – Лес молчит.

– Вижу, – ответила я, не оборачиваясь.

Капли перестали падать, шаги стали звучать глуше, и даже сырость, казалось, отступила, будто лес затаил дыхание перед чем-то неотвратимым. Мы приближались к кургану, и воздух становился всё тяжелее, словно кто-то начал давить на грудь. Я чувствовала, как поднимается холод на загривке, и пальцы крепче сжимались на рукояти меча.

Курган открылся нам внезапно. Лес оборвался, будто дальше не хотел расти, и мы вышли на небольшую поляну. Посреди неё возвышался старый земляной холм. Его склоны давно осели, а корни вековых дубов так крепко оплели землю, словно выросли вместе с ним. На вершине холма, сквозь слой земли и мха, торчал кусок иссиня-чёрного камня. Он был похож на старую кость, которую мир пытался переварить, но не смог, а по его поверхности тянулись стёртые временем руны. Я с трудом их различала, но чувствовала, что они по-прежнему сочатся тёмной магией.

Я замерла так резко, что Радомир налетел мне в спину.

У подножия кургана сидело существо. Оно было выше любого человека, которого мне доводилось видеть. Длинные руки, непропорционально широкие плечи, тело будто вытесали из обугленного дерева. Там, где должно было быть лицо, была лишь гладкая чёрная поверхность. Ни глаз. Ни рта. Ни единой черты.

Я поймала себя на том, что пытаюсь встретиться с ним взглядом, и только тогда поняла, что смотреть там некуда. Существо не двигалось. Оно сидело, сложив руки на груди, словно терпеливо ждало нашего появления.

– Что это? – прошептал Радомир, и его голос сорвался на писк.

– Не знаю, – тяжело сглотнув, выдавила я. – Оно нас видит... и всё равно сидит.

Горица подошла ближе, прищурилась и тихо хмыкнула.

– Не на него. Сюда, – она кивнула на землю в паре шагов от существа.

Я проследила за её взглядом и крепче перехватила меч. Там лежали вещи людей: почти новый топор с ещё не стёртой рукоятью, лоскут синей домотканой ткани – такие носили в Заречье, кожаный кошель с медяками, женский гребень и даже детская игрушка, вырезанная из дерева в форме волка.

– Но, если все их вещи здесь, – медленно произнесла я, чувствуя, как к горлу подступает ком. – То где сами люди?..

– Наверное, им кто-то управляет, – предположил Радомир, оглядываясь по сторонам.

– Или тварь их сожрала, – пожав плечами, сказала Горица, и лицо Радомира позеленело.

Я не успела ответить.

Из леса донёсся хруст ветки, и на поляну вышел мужчина средних лет в льняной косоворотке. Он шёл медленно, шаркающей походкой, с опущенной головой и пустыми, невидящими глазами, словно был замороженным. Не смотрел по сторонам, не видел нас и шёл прямо к кургану, неся в руках кузнечный молот.

– Стой! – закричала я, бросаясь к нему. – Остановись!

Мужчина продолжал идти, как во сне, и его губы беззвучно шевелились, повторяя чьё-то имя. Я почти схватила его за плечо, но в этот миг существо шевельнулось. Одно плавное, бесшумное движение – и нечто похожее на руку удлинилось и вошло в его грудь так легко, будто тела вовсе не существовало. Брызнула кровь, окрашивая косоворотку в алый, но мужчина даже не закричал. Рука существа вышла из его тела и уменьшилась, а мужчина осел и рассыпался белым пеплом, аккуратной горсткой упавшей на землю. Молот с глухим стуком упал на мокрые листья.

Я так и застыла с вытянутой рукой, глядя на то место, где ещё секунду назад стоял мужчина, на пепел, оставшийся от него, и на молот, добавившийся к вороху чужих вещей.

Внутри меня что-то оборвалось. Оно убивает. Всё остальное можно выяснить потом.

– Отряд! – крикнула я, обнажая меч. – Уничтожьте его!

В сером сумраке сверкнули серебряные клинки. Мы ударили одновременно. Борислав с рёвом обрушил секиру на плечо существа. Я рубанула сверху, целясь в шею, а Радомир ударил сбоку. Серебро встретилось с чёрной кожей, но вместо крови лишь высекло тонкие белёсые полосы. Они затянулись прежде, чем мы успели отступить.

Существо даже не шелохнулось. Лишь длинная рука плавно скользнула вперёд, и Радомира отбросило так, словно его ударил таран. Он врезался в дерево, вскрикнул и рухнул в мокрые листья.

– Держать строй! – заорала я, уворачиваясь от следующего удара.

Ведена уже стояла на корявом дубе. Серебряная стрела сорвалась с тетивы и ударила тварь в грудь. Наконечник вошёл меньше чем на палец и тут же со скрипом выскользнул обратно, а существо не обратило на неё никакого внимания.

– Бесполезно! – крикнул Борислав. – Серебро его не берёт!

Я отступила на шаг, лихорадочно перебирая в голове всё, чему нас учили. Тварь не преследовало нас. Не пыталась добить Радомира и почти не сходила с места. Она лишь заслоняло собой чёрный камень...

– Камень! – выкрикнула я. – Оно защищает камень! Бейте его!

Горица достала из-за пояса деревянную пластину и крикнула:

– В стороны!

Мы отпрыгнули. Руна вспыхнула холодным синим светом и ударила в камень. Искры брызнули во все стороны, но чёрная поверхность осталась невредимой.

– Ещё! – крикнула я и рванула к нему.

За спиной раздался крик Горицы. Я едва не обернулась, но заставила себя продолжить путь. Добравшись до камня, я скользнула взглядом по его поверхности, выискивая трещину, скол или любую неровность.

Где слабое место? Где?

Я принялась шарить по нему руками и вдруг почувствовала тонкую, почти незаметную линию, проходящую через центр камня. Не мешкая ни секунды, я изо всех сил вонзила в неё клинок. Камень треснул с таким звуком, будто лопнула сама земля, и над поляной разнёсся нечеловеческий рёв.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Я ощутила за спиной дуновение ветра, резко обернулась и увидела застывшее над собой существо. Его рука была поднята для удара, а из груди торчал серебряный наконечник секиры. Лишь через мгновение я поняла, что секиру всё ещё сжимает Борислав. Он висел, насквозь пронзённый длинной чёрной рукой. Голова бессильно упала на грудь, а по древку медленно стекала тёмная кровь.

Я не успевала ни увернуться, ни заслониться, ни даже вскрикнуть. Нет-нет-нет! Я не так хотела добиться уважения Ордена. Не посмертно! Я зажмурилась, ожидая удара.

Но его не последовало.

– Довольно, – над поляной разнёсся холодный голос.

Осторожно приоткрыв глаза, я увидела, что существо замерло. Его рука остановилась в пальце от моего лица, и по чёрной поверхности вдруг пробежала дрожь. Сердце норовило пробить грудную клетку, но я заставила себя отползти подальше и медленно обернулась.

На краю поляны стоял незнакомец. Высокий, худой, в чёрном плаще, покрытом серебряной вышивкой, которая тускло мерцала в сгустившихся сумерках. Его лицо скрывал глубокий капюшон, но я почему-то знала, что он смотрит не на меня, а на существо. И чудовище, не дрогнувшее перед серебром и рунами, неподвижно замерло перед ним.

– Как... – выдохнула я, поднимая меч. Он дрожал в моей руке, но я не могла это остановить. – Как ты это сделал? Это ты тёмный маг, который стоит за этим? Ты командуешь им?

Незнакомец медленно перевёл на меня взгляд, и я наконец увидела его лицо – бледное, острое, как лезвие, с глазами цвета зимнего неба. В них не было ни злобы, ни презрения, только лёгкое, едва заметное раздражение.

– Тёмный маг? – холодно переспросил он. – Тёмной магии здесь никогда и не было, охотница.

Мужчина спокойно прошёл мимо меня и остановился у расколотого камня. Из трещины поднимался чёрный дым. Он присел и долго смотрел на обломки, пока я решала, что с ним делать. Борислав мёртв, Радомир неподвижно лежал у дерева, и я боялась проверять его пульс, Горица сидела у края поляны, зажимая кровоточащую руку, а Верены нигде не было видно.

– Впечатляет. Вы всё-таки догадались его разрушить, – спокойно сказал незнакомец.

– Этот монстр убивал людей! – возмутилась я, чувствуя, как гнев поднимается в груди, заглушая страх. – Я своими глазами видела!

Мужчина поднял на меня спокойный взгляд, и я вздрогнула. Он был слишком спокоен, словно смотрел на ребёнка, который не понимает, о чём говорит.

– Не всё так просто, – коротко ответил незнакомец.

И всё. Никаких объяснений.

– Кто ты? – потребовала я, делая шаг вперёд. – Немедленно назови своё имя!

Он не ответил, поднялся на ноги и развернулся спиной ко мне, будто специально подставляясь под удар.

– Передай своему Ордену... – бросил он через плечо и зашагал прочь, – что теперь вас ждёт очень много работы.

Я хотела броситься за ним, но почему-то этого не сделала. Просто стояла и смотрела на его удаляющуюся спину, чувствуя, как страх перед смертью медленно сменяется осознанием.

Опустив взгляд, я увидела, что на месте разрушенного камня тонкой чёрной нитью расходилась трещина. Она медленно росла и пульсировала, словно живая, а существа больше нигде не было.

Глава 2

Дорога обратно в Орден заняла почти два дня. Мы тащились медленно, с трудом пробираясь по размокшей грязи, и каждый раз, когда телега с телом Борислава подпрыгивала на ухабе, я вздрагивала. Радомир шёл рядом, молчаливый и бледный, и ни разу не взглянул на меня. Горица наложила ему повязку на разбитую голову и сказала, что все кости целы, но он ещё будет долго приходить в себя. Тело Ведены мы так и не нашли, остался только её меч и горсть белого пепла.

Я почти не разговаривала и смотрела только вперёд, туда, где за серыми тучами угадывался Доброград. Мои мысли снова и снова возвращались к тому дню: рёв существа, рука, застывшая в пальце от моего лица, кровь Борислава и холодный взгляд незнакомца.

«Тёмной магии здесь никогда и не было, охотница».

Если это была не тёмная магия, тогда что? Как он вообще остановил существо одним словом? И почему говорил так, словно мы совершили ошибку, а не спасли деревню от твари?

Я не находила ответов, и это злило меня сильнее всего.

Орден встретил нас привычным холодом серого камня. Крепость стояла на высоком холме, обнесённая тремя рядами дубовых частоколов, и издалека казалась нахохлившимся старым вороном. Но я знала её и с другой стороны: по утрам в коридорах пахло хлебом из поварни, стоял гул голосов, а в тренировочных залах звенели клинки. Здесь было одновременно шумно, тесно, но по-своему уютно. Я выросла среди этих стен, и они всегда казались мне надёжными.

Но только не сегодня.

Когда мы вошли в главные ворота, шум стих. Охотники, стоявшие у колодца, резко обернулись. Кто-то перекрестился, кто-то отвёл взгляд.

Они уже знали.

– Отнесите Борислава в часовню. Нечего без дела стоять! – недовольно приказала Горица и развернулась ко мне. – Я доложу командиру, а ты проводи Радомира в лазарет.

– Нет! – перебила я, схватив её за руку. – Я тоже пойду. Это моё задание, я должна отчитаться сама.

Горица устало посмотрела на меня. За последние два дня она ни разу не упрекнула меня вслух, но я догадывалась, о чём она думает: «Ты не справилась, потеряла двоих людей и упустила подозреваемого, а теперь усложняешь мне жизнь».

– Тебе ведь тоже надо в лазарет, – упрямо сказала я, красноречиво взглянув на окровавленную повязку на её руке.

И это было ошибкой.

– Подождёт, – недовольно хмыкнула Горица, скинув с себя мою ладонь.

Я её разозлила, и, пожалуй, мне стоило отступить, но... Отступать было не в моих правилах.

В кабинет командира мы вошли вместе. Он сидел за массивным дубовым столом, заваленным картами и отчётами – высокий, черноволосый и коренастый. Звенислава в Ордене знала как Железного Звонаря за его привычку стучать кулаком по столу, когда хотел подчеркнуть важность своих слов. Но, хвала старым богам, он об этом не знал.

– Докладывай, – велел он, даже не подняв глаз от бумаг.

Я замаялась всего на мгновение, но Горица тут же толкнула меня в плечо.

– Мы выдвинулись в Заречье по сигналу о пропаже людей, – начала я, сцепив руки в замок за спиной, чтобы не выдать волнения. – По прибытии допросили выживших, все рассказывали одно и то же: безликое существо, которое зовёт людей голосами умерших, оставляет после них только горстки белого пепла и сидит у кургана.

– Безликое существо, – медленно повторил Звенислав, наконец подняв голову. – И что же это было, по-твоему?

– Не знаю, – честно ответила я, и Горица едва слышно фыркнула. – Мы не смогли его опознать.

– Расскажи про него поподробнее, – велел командир.

– Выше человека, без лица, словно из чёрного камня и дерева. Когда мы пришли к кургану, оно сидело возле него и не двигалось, но когда крестьянин подошёл слишком близко... Существо вонзило руку ему в грудь, и человек на наших глазах рассыпался в пепел.

Звенислав сдвинул брови, почесал кончик носа, но не перебил.

– Мы атаковали. Серебро не брало, руны – тоже.

– Там ещё был камень, – хмуро напомнила Горица, и я вздрогнула.

Да, точно. Я помнила про него, просто хотела упомянуть чуть позже, когда буду рассказывать про...

– Что за камень? – уточнил Звенислав, кинув на меня хмурый взгляд.

– Древний. Настолько, что только верхушка его из земли и торчала. На нём были руны, которые ещё работали. И он явно был связан с тёмной магией.

– Как ты это поняла?

– Ох, ну... Я почувствовала, – выдавила я, и Звенислав с каменным лицом сделал какую-то пометку в документе на столе. – Нечисть была как-то связана с этим камнем.

– Так она охраняла камень или курган? – не унимался командир.

– Не знаю, – выпалила я и продолжила, пока он снова меня не перебил. – Но единственным способом остановить это существо было разрушить камень. Я нашла трещину, вонзила клинок, и камень раскололся.

– И что потом? – с усталым вздохом спросил Звенислав.

– Потом появился он, – я запнулась. – Незнакомец в чёрном плаще. Он остановил эту тварь одним словом. Я спросила, кто он, но он ничего не объяснил. Сказал только, что у ордена теперь будет много работы.

– Сказал? – командир подался вперёд, опираясь локтями на стол. – Он разговаривал с тобой? Что именно он сказал? Дословно.

– Он... – я попыталась вспомнить. – Он сказал: «Передай своему Ордену, что теперь вас ждёт очень много работы и: Впечатляет. Вы всё-таки догадались его разрушить. Затем он осмотрел камень и был как будто недоволен, но по его голосу нельзя было ничего понять и...

– Где он? Где этот незнакомец? – Звенислав ударил кулаком по столу, и я вздрогнула.

Ох, плохи мои дела. Очень-очень плохи.

– Ушёл. Я не знаю, я...

– То есть, – командир резко откинулся на спинку кресла, и я замолчала под его суровым взглядом. – Нечисть не погибла от того, что ты разрушила камень, но какой-то незнакомец пришёл, спас тебя, поговорил и, оглядев обломки, просто ушёл, и ты даже не попыталась его остановить?

Со стороны всё выглядело глупо, но я же сделала как полагается! Допросила жителей деревни, нашла нечисть, увидела, что она убивает людей и... Моя уверенность таяла на глазах. У меня не было времени выяснять, что это за тварь и как она связана с камнем, мои люди могли умереть, мне нужно было найти способ их спасти, но... У меня всё равно ничего не вышло.

– Да, – я опустила голову, не в силах больше выносить взгляда командира. – Но он нас спас, остановил нечисть, а иначе я бы...

– Довольно, – холодно перебил Звенислав. – Даже если этот человек не причастен к нападению твари, он явно что-то знал, а ты его упустила! Оценить, понять, атаковать – порядок этих слов был придуман не просто так! Ты потеряла двоих человек и упустила подозреваемого.

Это доказывает, что ты не готова стать полноценной охотницей. А что если ты сделала именно то, что он хотел?!

Я хотела возмутиться, сказать, что он ошибается, что я видела лицо незнакомца, и в его взгляде не было торжества. Но я промолчала. Потому что, если честно, сама не понимала, что произошло в тот день.

– Освободите кабинет, – коротко приказал Звенислав, и, не сказав больше ни слова, я вышла в коридор.

Горица сложила руки на груди и встала у противоположной стены, опершись о камень. Её лицо было бледным, на лбу блестела испарина, а повязка на руке стала тёмно-бурой от крови. Но она не жаловалась.

– Ну что, – хмыкнула Горица, даже не взглянув в мою сторону. – Довольна? Мы потеряли Борислава и Ведену. Радомир непонятно когда сможет вернуться к работе. А ты, Мира, стоишь здесь целая и невредимая, просто получив выговор!

– Я не хотела, чтобы так вышло, – тихо сказала я, сжав кулаки.

– Ты не хотела, – язвительно усмехнулась Горица. – Не хотела, но, не оценив угрозы, отдала приказ и разрушила этот чёртов камень! Та трещина выглядела отвратительно, но мы ничего о ней не знаем, потому что ты позволила незнакомцу уйти. А теперь стоишь здесь с невинным лицом и говоришь, что не хотела.

– Я не знала! – не выдержав, выкрикнула я.

– Вот именно! – она резко развернулась ко мне, и я увидела в её глазах гнев. – Ты не знала! Не знала, что там за магия, не знала, что за существо, не знала, что будет, если ты разрушишь этот камень. Но ты всё равно это сделала, потому что тебе нужно было доказать, что ты достойна звания охотницы. Никогда не думала, что ты поставишь свои цели выше чужих жизней.

Горица резко оттолкнулась от спины, скривилась от боли и зашагала прочь, оставив меня в коридоре одну. Я смотрела ей вслед, и её слова набатом стучали в голове.

«Ты всё равно это сделала».

Она была права. И от этого было только хуже.

К горлу подступили предательские слёзы. Мне хотелось по-детски разрыдаться от того, как глупо я всех подвела. Но это не помогло бы ни мёртвым, ни раненым. Нужно было чем-то занять свои мысли, чтобы не думать об этом, и я пошла туда, где всегда искала ответы.

В башню Архивариуса.

Ратибор сидел за столом, заваленным свитками и пожелтевшими книгами. Ему было уже под шестьдесят – тёмные волосы давно поседели, лицо изрезали глубокие морщины, а плечи сутулились от долгих лет, проведённых за чтением при тусклом свете. Но глаза его всё ещё смотрели живо и цепко, а пальцы, испачканные чернилами, двигались быстро и уверенно, когда он перелистывал страницы.

Я часто приходила к нему в детстве, когда чего-то не понимала, и архивариус никогда не отмахивался от меня, как другие. Просто открывал книгу, водил пальцем по строчкам и приговаривал: «Смотри, здесь написано...». И я всегда находила то, что искала.

– Мира, – Ратибор поднял на меня глаза поверх очков. На его губах расцвела радостная улыбка и тут же потухла. – Ты что-то бледная. Садись.

Я села на лавку напротив, положила руки на стол и уставилась в одну точку. Слова не хотели выходить наружу, но я заставила себя произнести это вслух:

– Я всё испортила, Ратибор. Я потеряла двоих людей, разрушила что-то древнее и даже не знаю, что это было.

– Расскажи, – тихо сказал он, отодвигая свитки. – С самого начала.

И я рассказала. Всё. Как мы шли к кургану, как нечисть убила крестьянина, как мы атаковали, как я разрушила камень и как появился незнакомец. Я говорила нервно и быстро, сбиваясь на полуслове, но продолжала, чувствуя, как внутри разрастается пустота.

Ратибор молчал. Потом медленно встал и направился к дальним стеллажам, заставленным пожелтевшими фолиантами. Он снял один, пролистал, нахмурился, затем снял другой и снова пролистал. Потом ещё один. И ещё.

– Странно, – наконец пробормотал архивариус, возвращаясь к столу. – У меня было смутное ощущение, что я где-то видел нечто подобное.

– Где? – я нетерпеливо подалась вперёд.

– Не могу вспомнить, – он потёр переносицу. – Но где-то... где-то я читал о таких камнях. Очень древняя магия, старше Ордена.

Ратибор снова встал, задумчиво оглядел стеллажи и вдруг остановился. Он взял книгу, перевернул несколько страниц и нахмурился. Его пальцы заскользили по строчкам и замерли на одном слове.

– Вот, – сказал он, положил книгу на стол. – Если я не ошибаюсь, это может быть как-то связано. Погляди.

Я вскочила с места и едва не задела стопку свитков на краю стола, заглядывая через плечо Ратибора. Книга была очень старой. Чернила местами выцвели, и витиеватый почерк едва удавалось разобрать. Прищурившись, я всё-таки с трудом прочитала слово, на которое указывал архивариус:

– Узел? – переспросила я.

– Узел, – одобительно кивнул он. – Но здесь ничего толком не объясняется. «На древних узлах держится...» – а дальше текст стёрт и прочитать невозможно.

– И что это значит?

Ратибор покачал головой.

– Не знаю, Мира. Увы, к нашему времени многие знания оказались безвозвратно утрачены. Когда-то мы называли себя хранителями, – он со вздохом закрыл книгу и взглянул на меня поверх очков. – Мы всё ещё так себя называем. Только вот никто уже не помнит, что именно мы должны хранить.

– Знания? – я нахмурилась, а Ратибор грустно улыбнулся.

– Не только. Ты знала, что сначала Орден не делился на хранителей и охотников? – я качнула головой, и он продолжил. – Сначала все были хранителями, но шли годы, и Орден менялся. Кто-то считал, что всех чудовищ нужно обязательно убивать, а кто-то – что не вся нечисть плохая.

– Условно, если кикимора не вредит, её можно просто прогнать подальше? – задумчиво уточнила я, не очень понимая, как можно делить нечисть на «хорошую» и «плохую».

– Условно, – улыбнулся Ратибор моему сравнению.

– Но ведь все они слуги Кощеевы!

– Вот поэтому ты и охотница, – его улыбка стала тусклее, и я поняла, что сказала что-то не то. – Со временем охотников становилось всё больше, а хранителей – всё меньше. Так постепенно мы и превратились в старых книжников, охраняющих одни лишь знания. И то, крупницы.

Ратибор закончил свой рассказ будничным тоном, хотя в его глазах застыла тихая грусть. Я молчала, пытаясь представить, что бы было, если бы мир сейчас выглядел, как раньше. Мы пытались бы договориться с нечистью, а не уничтожать её? От одной этой мысли становилось не по себе.

– Ты никогда мне этого не рассказывал, – наконец сказала я.

– А ты и не спрашивала, – пожав плечами, просто ответил Ратибор. Он помолчал, а затем вдруг поднялся и снова направился к дальним стеллажам. – Дай-ка мне пару недель. Я поищу ещё упоминания узлов.

Когда я вышла из его башни, в коридорах уже зажигали светильники. За окнами сгустились сумерки, и крепость медленно погружалась в ночную тишину. Прикрыв глаза, я вдохнула холодный воздух полной грудью и медленно выдохнула, стараясь не думать о том, что будет дальше.

Прошло несколько дней. Спокойных и совершенно обычных. Я просыпалась по утрам, выходила на тренировочный двор, брала в руки меч и делала те же движения, что и всегда. Удары, уходы, выпады. Снова и снова, пытаюсь забыть, но ничего не получалось.

По вечерам я сидела с товарищами у костра. Мы ели кашу и слушали истории старых охотников. Я смотрела, как пламя танцует в темноте, и слушала чужой смех, голос и разговоры о том, как они справлялись с чудовищами, уничтожали тёмную магию и защищали людей от зла. Я пыталась почувствовать себя частью этого мира, но каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела взгляд незнакомца и чёрную трещину.

Горица почти не разговаривала со мной. Мы тренировались вместе, ужинали за одним столом, но между нами появилась стена. Я чувствовала её каждый раз, когда она смотрела в сторону, вместо того чтобы встретиться со мной взглядом. В лазарет к Радомиру я так ни разу и не сходила, потому что боялась увидеть в его глазах то же, что видела у Горицы.

Через неделю, когда мне уже начало казаться, что всё наладится, и дни медленно начнут затирать воспоминания о незнакомце, в ворота Ордена влетел гонец.

Я стояла на тренировочном дворе, когда услышала лошадиный топот. Гонец был в грязном плаще, сломанная подкова цокала по камням, и его лицо было красным от ветра. Он спрыгнул с седла, едва не упав, и побежал к главному зданию.

– Срочное донесение! – крикнул он. – Командир!

Меч выскользнул из моих пальцев, а сердце застучало быстрее. Я ещё не знала, что случилось, но почему-то была уверена – Заречье было только началом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.